

механизмов восприятия способствует формированию обрядов определенной формы и содержания.

Литература

Агапкина 1995 — *Агапкина Т. А.* Пускаты по воде // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 1995. С. 327—329.

Геннеп 1999 — *ван Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение. М., 1999.

Геродник 1964 — *Геродник Г.* Дорогами новых традиций. М., 1964.

Громыко 1991 — *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991.

Денисова 1995 — *Денисова И. М.* Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995.

Зеленов, Лавров 1975 — *Зеленов Л., Лавров М.* Эстетика гражданского обряда. Горький, 1975.

Коршунков 2003 — *Коршунков В. А.* Ссора мужиков на дороге: дорожные конфликты в России // «Мужское» в традиционном и современном обществе. Материалы научной конференции (Москва, 16—18 апреля 2003 г.). М., 2003.

Матлин 2003 — *Матлин М. Г.* Свадебный обряд // Современный городской фольклор. М., 2003.

Праздники 1979 — Праздники, обряды, традиции. М., 1979.

Пропаганда 1985 — Актуальные вопросы пропаганды и внедрения новой советской обрядности среди молодежи (По материалам Краснодарской научно-практической конференции). М., 1985.

Руднев 1974 — *Руднев В. А.* Советские обычаи и обряды. Л., 1974.

Русские 1992 — Русские: Этносоциологические очерки / под ред. Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой, М. Н. Кузьмина и др. М., 1992.

Соц. обрядность 1979 — Социалистическая обрядность и формирование нового человека. Киев, 1979.

Соц. праздники 1981 — Вопросы развития социалистических праздников и обрядов. Рига, 1981.

Теплова 2003 — *Теплова В. Н., Корнухова А. Б.* «Дерево любви» // Живая старина. 2003. № 3. С. 14—15.

Токарев 1990 — *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1990.

Топоров 1991 — *Топоров В. Н.* Мост // Мифы народов мира. М., 1991. С. 176—177.

Тульцева 1985 — *Тульцева Л. А.* Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985.

Чигрин 1993 — *Чигрин А. С.* «Камни рождающие, камни плодоносящие» // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1993. С. 50—71.

Экслер 2004 — *Экслер А.* Записки невесты программиста // exler.ru/novels/wife.htm.

Элиаде 1994 — *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.

Е. М. ШИШКИНА
(Астрахань)

ВОЛЖСКОНЕМЕЦКИЙ СВАДЕБНЫЙ РИТУАЛ И ЕГО КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В XX ВЕКЕ

Типологические особенности волжсконемецкого свадебного ритуала

Рассмотрев особенности свадебного ритуала волжских немцев первой трети XX века, Е. И. Кагаров сделал вывод, что «свадебный ритуал основного населения АССРНП¹ сохранил почти все характерные черты свадебной обрядности немцев Германии» [Кагаров 1929, 269]. В. Жирмунский вторил ему: «Из всех праздников человеческой жизни свадьба все еще особенно богата народными обычаями» [Schirmunski 1930, 79]. Заметим, что картина генезиса волжсконемецкого свадебного ритуала была сложной, многоэтапной и полиэлементной. Своеобразие формирования свадебного ритуала волжских немцев как обрядности поздней переселенческой традиции вторичного формирования опирается на сложные процессы переплетения фрагментов обрядовых версий из разных земель Германии (земель Гессен, Пфальц, Саар, Баден, Вюртемберг, Верхняя Бавария, Райнхессен), Австрии (Тироль, Зальцбург, Трансильвания), Швейцарии, идущие параллельно с влияниями инкультурных систем, прежде всего русской и украинской. Элементы этих разных типологических систем, очевидно, высту-

¹ АССРНП — Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья — была создана по Декрету советского правительства от 19 октября 1918 года. Республика занимала площадь в 28 тыс. кв. км. и граничила с Саратовской, Волгоградской областями и Казахской ССР. Столица — г. Покровск (с 1931 года — Энгельс). После указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» АССРНП перестала существовать.

пали на территории региона в различных соотношениях, границы которых в настоящее время трудноопределимы.

Поволжский немецкий свадебный обряд, как он сложился ко времени депортации 1941 года, представлял собой специфический обрядовый комплекс, насыщенный различными фольклорными жанрами: песнями прощальных обрядов невесты, религиозными песнями, танцевальной музыкой, приглашалками (Ladesprüche), шванками / анекдотами, играми ряженых и пр. Сопоставительный диахронный анализ волжсконемецкого свадебного обряда (его версий в течение XIX—XX веков) позволил сделать вывод о его исторической изменчивости и постоянных культурных трансформациях, которые привели к таким результатам как редукция элементов обряда, текстов приговоров и мелодий песен, переход ритуально-магических черт ритуала в игровые формы с забвением их первоначального значения. В качестве наиболее устойчивых компонентов сохраняются такие обрядовые действия, как *сватовство, помолвка, осмотр невестой дома жениха, приглашение гостей на свадьбу, вечеринка шума в канун свадьбы (Polterabend), задержки свадебного поезда (Wegsperre), выкуп невесты, кража туфли / башмака невесты, одаривание невесты, танцы невесты, снятие венка невесты, выметание гостей (Kehr aus), перевоз приданого невесты, послесвадебные вечеринки*. Эти компоненты рассматриваются нами как сущностные константы этнической идентичности волжских немцев. Рассмотрим интегрирующие признаки ритуала, суммируя пестроту описаний обрядовых версий в их историческом развитии.

Сватовство в волжсконемецком свадебном ритуале является важным начальным обрядовым действием ритуала. Оно проходило в три основных этапа: а) сватовство (Freierei); б) помолвка (Verlobung), рукобитие (Handschlag); в) сговор (Verspruch), церковное оглашение, обещание. В сватовство включались как обязательные такие действия: а) встреча представителей двух родов; б) согласие на брак родителей невесты; в) согласие на брак со стороны самой невесты; г) оповещение о состоявшемся сватовстве: выстрелы, шум; церковное

оглашение; песни; д) деньги для невесты от жениха (Handgeld).

Подготовительный период включал в себя такие важные обрядовые действия, как а) ношение женихом и невестой обручальных колец (Das Tragen der Eheringe); б) смотрины хозяйства жениха (Brautschau, Beschauung); в) прощание жениха с товарищами (Der Abschied des Bräutigams); г) посещение пастора (Die Anmeldung beim Pfarrer, Versprechen); д) подбор шаферов и музыкантов (Die Bestellung der Brautführer und der Musikanten); е) изготовление венка невесты, фаты и платья (Die Anfertigung des Brautkranzes, -schleiers und -kleides); ж) приготовление свадебного обеда (Die Vorbereitungen für das Hochzeitsmahl); з) приглашение на свадьбу гостей (Hochzeitseinladung). Важнейшими обрядами кануна свадьбы были представление невесты (Die Vorstellung) и вечеринка шума (Polterabend, Polrowet).

Первый день свадьбы делился на два этапа, где границей был обряд передачи невесты жениху. Соответственно, первый этап проходил в доме невесты, а второй — в доме жениха. Во время первого этапа — ожидание жениха невестой в родном доме — кульминацией являлось прощание невесты с родителями, когда жених приходил за невестой в дом ее родителей. При этом невеста с женихом благословлялись родителями невесты, звучали прощальные песни, стихи, речи. Во время второго этапа — перевоза невесты в дом жениха и свадебного обеда — кульминацией являлось снятие венка невесты, когда во время танца и через опевание снимался с невесты венок. И это был один из основных санкционирующих обрядов. Образ невесты в символике танцевального немецкого фольклора остается доминантным с точки зрения обряда инициации. Ее переезд в дом жениха предвещало снятие венка, что было строго закреплено в обряде по времени и обстоятельствам его свершения. Этот переезд был маркирован четырьмя свадебными процессиями (Hochzeitszüge), которые сложностью своей организации, торжественностью и разнообразием обрядовых деталей подчеркивали всю значимость и важность обрядового действия. Кроме собственно переезда переход невесты «из де-

виц в молодухи» [Левинтон 1974, 210] маркировался и другими обрядовыми действиями, здесь: а) перевоз приданого невесты; б) выкуп туфли невесты на свадебном обеде в первый день свадьбы (Brautschuhversteigern); в) свадебный обед в доме жениха; г) одаривание невесты женихом и родственниками как до свадьбы, так и в первый день свадьбы (Handgeld, Gaben, Brautgötkissen); д) обряды брачной ночи.

Второй день свадьбы и послесвадебные обряды носили во многом карнавальский характер, их этнографическое содержание: обед в доме жениха; катание по улицам на украшенных быках; ужин с танцами в доме жениха; ряженье и игрища с передразниванием некоторых обрядовых компонентов первого свадебного дня (венчание, выкуп туфли невесты, вручение даров, снятие венка); послесвадебная вечеринка молодоженов (Nachzeit); обед у родителей невесты (Dankessen); перевоз приданого невесты (Aussteür, Heiratsgut).

Кроме вышеуказанных для волжско-немецкого свадебного ритуала были характерны следующие компоненты: а) «постельный обряд» после переезда в дом жениха; б) переезд невесты в дом жениха совершается до «постельного обряда»; в) жених и невеста участвуют во всех обрядах, включая свадебное застолье, имеющее санкционирующий характер. Тем самым традиционный свадебный ритуал волжских немцев относится к европейскому, вирилокальному типу обряда с определенными пережитками уксорилокальной стадии. О последней свидетельствуют элементы обряда вечеринки шума (Polterabend) санкционирующего характера: а) внесение каравай с елью; б) надевание невесте миртового венка; в) заплетание косы невесте в первый день свадьбы в ее доме перед приездом жениха.

Современные особенности волжско-немецкого свадебного ритуала

До самой депортации «колонисты <...> сохранили массу своеобразных, вынесенных еще из Германии, обычаев» [Дитц 1997, 392]. И хотя волжско-немецкой культуре в 1941 году был нанесен непоправимый удар, отдельные арте-

Немка-меннолитка из России. XX век [Geschichte und Kultur 1989, 88]

факты и реликтовые явления и сейчас еще записываются в самых различных регионах России, Казахстана, Германии, Бразилии, Мексики, Аргентины — везде, где проживают волжские немцы. С 1994—1996 годов идет процесс возвращения российских немцев, побывавших в Германии. «Мы всегда будем там только “русскими” и никогда не братьями по вере», — сообщила автору с глубокой горечью исполнительница-лютеранка, пережившая в свои 18 лет депортацию из Саратовской области в 1941 году, концлагерь в Сибири, работу в Казахстане, уехавшая в Германию в 1992 году, обманувшаяся в своих ожиданиях и вновь вернувшаяся через год на постоянное жительство в Астраханскую область.

Во время экспедиций 1997—2006 годов автору постоянно, без наводящих вопросов, информанты объясняли, почему именно их семья не уехала из России («на постоянное жительство в Германию»), зачитывали письма своих друзей и родственников — тех, что реэмигрировали в Германию в 1990-е годы, — и комментировали их. В объяснениях главными являются не эконо-

мические вопросы, а социально-культурные факторы отторжения и неприятия немцами Германии культурного наследия немцев из России, их традиций, обрядов, особенностей диалекта, любимых песен, особенностей религиозных служб с опорой на уже давно забытые или просто неизвестные в Германии духовные песнопения. Таким образом, в процессе самоопределения волжских немцев к началу XXI столетия оживает и усиливается чувство принадлежности именно к России и к Волге. В эти же годы начинают восстанавливаться и публично исполняться в поселениях России те или иные фрагменты свадебной обрядности, опирающиеся на национальные немецкие традиции.

До самого последнего времени сватовство (Freierei) осуществлялось мужчинами-сватами (Freier, Kuppler, Freiersmann, Freierschmann), «специалистами своего дела: опытными, ре-

Приглашатель. Австрия, 1908 г. Фото из архива автора

чистыми, хорошо знающими людей и обычаями» [Виндгольц 1989, 9]. Термины Freier, Freierschmann бытовали в волжских колониях до конца XX века [AA 1994] и сегодня используются волжскими немцами, переехавшими в Германию [Boll 1993, 254—255], которые сохранили терминологию земли Гессен [Martin 1983, 77, § 63]. Начиная с послевоенных времен, роль свахи иногда берет на себя и женщина (Brautwerberin), что согласуется с волжскорусскими обычаями [AA 1994, Boll 1993, 255—256]. Помолвка (die Verlobung, Veröbnis, Freien) согласно полевым авторским записям проводилась в доме невесты с участием родителей с обеих сторон, когда жених и невеста обменивались дарами, передавались деньги со стороны жениха (Handgeld) [AA 1994]. Обряд передачи денег жениха для невесты (Handgeld), сохранившийся до наших дней в Казахстане [Виндгольц 1989, 12], происходит из германских земель Саарланд, Райнхессен и Баден [Martin 1983, 78, § 64].

Приглашение на свадьбу (Rundreise, Hochzeitsbitter, die Hochzeitsläder, Freiersmänner, vor der Hochzeit geladen, geschah durch die Hochzeitsläder) родственников, соседей и друзей происходило на Волге, а после 1941 года — в Казахстане, Киргизии, на Урале в виде торжественного обряда, когда один или два «приглашателя» (это могли быть двое холостых парней или молодых мужчин) приглашали на свадьбу, пользуясь заранее заученными речами с прибаутками и остротами (Ladesprüche, Sprüchlein). В этом «хорошо отрепетированном театрализованном представлении» [Виндгольц 1989, 14] главными действующими лицами являются приглашающие на свадьбу (Hochzeitsbitter и Hochzeitsläder, Freier, Freierschmann) [AA 1994]. Их символом права говорить от лица родителей и молодоженов и приглашать на свадьбу является высота в рост человека шест, который выглядит как «вырезанная добела палка с насечками, на которой привязаны ленты»² [Seib 1968, 163] и называется Bandstock [Boll 1993, 256], Pelnstock [AA 1994]. В знак принятия приглашения все привязывают к

² Здесь и далее цитаты переведены автором статьи.

шестам «разноцветные и пестрые ленты, красочные носовые платки и головные платки или даже яркие куски материи» [Виндгольц 1989, 15]. Однако значение этого шеста шире, чем только использование в обряде приглашения. Так, из наших экспедиционных записей 1994 года явствует, что шест с лентами будет в течение всей свадьбы у распорядителя (Freierschmann), затем в конце свадьбы его крадут, и распорядитель вынужден будет свой шест выкупать, а деньги поступят в пользу молодых: «*Ну, этот Freierschmann, он хозяин, с палкой ходил и руководил, но если у него эту палку (Pelnstock) крали, когда он напьется, то он потом платил за нее, сколько потребуют. Эта палка была в лентах и мешочки кожаные на ней...*» [АА 1994].

Порядок приглашения на свадьбу достаточно жестко закреплен: «первый поход приводит их в дом невесты, так как ее вместе с родителями приглашают, как и остальных гостей, со списком приглашаемых идут затем от дома к дому. Когда они обойдут уже всех, то напоследок приглашают и жениха с членами его семьи» [Seib 1968, 163]. Приглашалки (Ladesprüche), которые при этом говорят, имеются в значительном количестве: если «приглашатель» один, он говорит только от самого себя: «*Ich bring' euch einen schönen Gruss von Braut und Bräutigam*» [Schünemann 1923, 4–5], если же задействованы двое, то они произносят свои приглашалки, распределив роли: «*Guten Abend! Mein Kamerad, das ist ein blöder Mann*» [Schünemann 1923, 5], «*Wir grüssen euch*» [Seib 1968, 163].

Приглашатель (Hochzeitslader) говорит примерно следующее:

*Ein Gruss von Braut und Bräutigam
Die lassen euch bitten insgesamt
Ihr sollt die Hochzeitsgäste sein.
Bis Donnerstag ist das Hochzeitsfest
So stellt euch ein als liebe Gäst.*

*Und steckt euch Messer und Gabel ein.
Dann wirds was zu verschneiden sein.
Die Kuchen sind so werb gebacks,
Siebzehn Hühner und ein Hahn,
Die kommen all auf einmal dran,
Im Keller liegt ein Fass voll Bier
Das Graut mich aber selber für
Sieben Eimer Branttewein!*

*Привет от невесты и жениха,
Что просят вас
Стать гостями на свадьбе.
До четверга идет свадьба
На которой станете вы
дорогим гостем*

*И ждут вас нож и вилка,
Чтобы все изрезать.
Пирог уже испечены,
Семнадцать куриц и петух —
Что все сразу на очереди,
В подвале бочка пивом полна,
Свечочем для меня, однако,
Явятся семь ведер водки!*

После того как приглашатель (Hochzeitslader) сказал свою речь, его угощали водкой, а «бант или разноцветный носовой платок — шнупдукс — привязывался приглашенным на палку» [Немецкий архив, л. 487, запись 1928 года в колонии Шталь АССРНП].

Будучи излюбленным обычаем, обряд приглашения сохранялся до начала 1980-х годов в различных районах Казахстана, Киргизии и Сибири, куда были депортированы волжские немцы, в Германии он не практикуется [Boll 1993, 256].

Одним из ярких обрядовых фрагментов до депортации был обычай *объезда невестой новой для нее общины* (Die Vorstellung, Schleifen spannen), когда «в канун свадьбы она объезжала деревню жениха на лошадях вместе со своим женихом, своими подругами, родственниками и музыкантами, исполнявшими бодрые марши» [Habenicht 1981, 165]. После депортации 1941 года публичные мероприятия подобного рода стали нежелательными.

Воспоминания об обычае *смотрин хозяйства жениха* (Brautschau, Beschauung) сохраняются до сих пор и имеются в наших полевых записях, но сам обряд в настоящее время уже не проводится. Знакомство невесты со своим будущим домом обычно происходило после третьего церковного оглашения и рассматривалось в качестве еще одного этапа закрепления помолвки, когда невеста наносит визит своим будущим свекру и свекрови и осматривает дом, кухню, хлев. *Вечеринка жениха* (Der Bräutigam durch eine Geldspende ablöste), закрепляющая его выход из сообщества холостых парней, не сохранилась в современных немецких селах в России, однако проходит сегодня у волжских немцев в Германии [Habenicht 1981, 157].

Вечеринка грохота (Polterabend, Polrowet, Polerowet, Polrout) — вечеринка накануне свадьбы у жениха в начале XX века являлась «небольшим предвари-

тельным торжеством с приглашенными гостями» [Seib 1968, 165]. К 1929 году она уже «утратила обрядовый характер и сводится к угощению, песням и пляске» [Кагаров 1929, 264], в авторских записях имеется выражение *Vorabend* / предварительный вечер [AA 1994, с. Генеральское Саратовская обл.]. Этот вечер был обязательным, во всех авторских записях в конце 1990-х годов особо подчеркивалось, что на него собиралась именно молодежь: «*Бьют черепки, не забывают и о стрельбе*» [AA 1994]. Обычай и сегодня сохраняется в Германии волжскими немцами-реэмигрантами [Boll 1993, 256—257]. Ритуальный смысл обычая заключался в том, чтобы с помощью стука, шума и грохота изгнать злых духов из жилища жениха и невесты, дабы они не помешали благополучному совершению свадебного обряда и дальнейшей совместной жизни молодоженов, поэтому «каждый из гостей считал своим долгом принести что-нибудь, что можно было бы разбить» [Виндгольц 1989, 23—24]. Во время этого обряда невеста иногда плачет в своем доме вместе с подругами и сидит у стола с караваем и веточкой ели, а ее подруги образуют хоровод и, взявшись за руки, поют различные свадебные песни [Виндгольц 1989, 23—24; Boll 1993, 256—257], сам обряд весьма напоминает русские девичники и, скорее всего, возник в результате русского влияния. В немецкоязычной литературе упоминаний о подобных обрядах с невестой нам не встретились. Обряды с караваем и веточкой ели более всего перекликаются с украинскими традициями, характерными для Поволжья.

Утром в первый день свадьбы, в 9 утра, музыканты подходят к двери жениха и играют песни: «*Wach auf, mein Herz*» («Пробудись, мое сердце»), «*Mache dich, mein Geist bereit*» («Делай, моя душа готова»), «*Lass mich gehen*» («Позвольте мне идти») [Schünemann 1923, 5]. Затем они идут к невесте, где играют песни: «*Mein Gott, nun wird es wieder Morgen*» («Мой Бог, снова утро»), «*Herr Jesu, leite mich*» («Господь Иисус, руководи мной»), а в комнате «*So nimm denn meine Hände*» («Так возьми же мои руки») [Schünemann 1923, 5].

Прощание невесты с родителями (*Abschiedsdank*) происходит в первый день свадьбы, когда жених приходит за невестой в дом ее родителей. При этом звучат стихи, речи, затем следует трогательная, изобилующая слезами сцена прощания [Seib 1968, 170]. Наконец, невеста запекает песню прощания с родительским домом и родственниками, прощальные песни поются всеми присутствующими, в соответствии с содержанием песен невеста обнимает отца, мать, братьев, сестер, жених благодарит родителей за воспитание невесты [Виндгольц 1989, муз. примеры №№ 5—8, 12; Немецкий архив, лл. 197—198; лл. 329—330; Schünemann 1923, 282—283, № 242].

Выстрелы на свадьбе (*Die Schiesser*), судя по современным воспоминаниям жителей немецких сел и свидетельствам различных авторов от Е. Зайба (60-е годы XIX века) до И. Виндгольца (80-е годы XX века), были непременным атрибутом в период сразу после обручения: «юные члены семьи <...> после обручения делают несколько выстрелов из пистолета или ружья» [Seib 1968, 162]. Можно выделить следующие свадебные действия, которые маркируются выстрелами. При появлении невесты *во время выхода молодых из дома невесты* перед походом в церковь гремят выстрелы (не менее трех). Если же почему-либо выстрелов нет, то могут сказать: «Невеста не стоит и выстрела» [Виндгольц 1989, 31]. *Во время движения свадебного поезда из дома невесты* в дом жениха в первый день свадьбы до венчания «стрелки время от времени постреливают» [Seib 1968, 170]. *Во время движения свадебного поезда из дома жениха в церковь* и обратно в первый день свадьбы «стрелки делают один выстрел за другим» [Seib 1968, 170], «по обе стороны колонны следуют молодые мужчины в шляпах с перьями и непрерывно палят холостыми из ружей, тоже украшенных лентами и цветами» [Виндгольц 1989, 33], «молодые парни палят из ружей в воздух, щелкают и шумят, чтобы лошади бежали во всю мочь» [Schünemann 1923, 6]. После депортации свадебные обычаи немцев, вызывающие шум и внимание зрителей, сохраняются в течение 1960—1990-х годов только в компактных немецких селах Сибири, Киргизии, Ка-

захстана. В Германии после реэмиграции в 1980—1990-х годах большая часть обычаев прихода за невестой русскими немцами не соблюдается, процессия движется без выстрелов, только под сигналы машин, как это повсеместно принято в Германии [Boll 1993, 259].

Фальшивая невеста может появиться в момент прихода жениха за невестой в дом невесты: «вместо прелестно украшенной невесты <...> выводят отвратительную старую бабку в грязных лохмотьях <...> за ней следует менее старая, но ужасно толстая особа с огромным куском черного хлеба в руке, от которого она откусывает один кусок за другим и поглощает с большим наслаждением, или тощую, как жердь “каланчу” с прядильной нитью в палец толщиной в руке, которая должна доказать свое прядильное искусство» [Seib 1968, 166—167]. Жениха могли ожидать всяческие «проказы, когда он находил дом невесты запертый и должен был разгадывать загадки. Или ему выводили фальшивых невест, безобразных старух или даже детей, пока, наконец, к его облегчению, не появлялась настоящая» [Boll 1993, 258]. Фальшивые невеста и жених могли появиться на второй день свадьбы: «Утром второго дня невесту вновь провожают из родительского дома... Отличие состоит в том, что с самого начала в церемонию включаются ряженные жених и невеста <...> в роли жениха выступает чаще женщина невысокого роста, в роли невесты наоборот — мужчина высокого роста <...> они одеваются, как правило, в старую рваную одежду <...> должны уметь танцевать, петь, иметь чувство юмора и меры» [Виндгольц 1989, 69—70]. Сохранение театрально-обрядовых эпизодов волжско-немецкой свадьбы, по свидетельству И. Виндгольца, происходило до конца 1980-х годов в немецких селах Казахстана и Сибири.

Одежда невесты, платье и венок (Brautkranz, Ufsatz, Rosenkranz, Schnatz): «платье невесты обычно синего или голубого, а в некоторых общинах — даже черного цвета», отмечает Е. Зайб [Seib 1968, 166]. С этим наблюдением пере-

кликается замечание И. Виндгольца: «в разное время и в разных местностях подвенечное платье могло быть разного цвета: белое, голубое, зеленое и даже черное» [Виндгольц 1989, 17].

А. Минх писал, что на голове у невесты «надет изстари заведенный обычаем убор (род венца) из цветов, бус, разноцветных и блестящих украшений и пестрых лент, спускающихся широким пуком до половины спины» [Народные обычаи 1890, 130]. Процесс изготовления венка невесты остается неизменным в течение всего времени до конца XX века: «Платье невесты усыпано искусственными яркими цветами, на груди прикреплен большой, полностью прикрывающий ее букет, также из искусственных цветов, с которого свисает множество пестрых лент, которые во время танца порхают вокруг невесты. Голову увенчивает венок невесты (Brautkranz): большой, обернутый пестрой бумагой проволочный венок с длинными тугими отростками, опускающимися на спину. Как венок, так и отростки усеяны искусственными цветами, которые, в свою очередь, прикреплены к более коротким, обмотанным бумагой проволочкам. Между ними помещены светлые

Поволжская немка в костюме невесты. Фото 1860 года [Ардт 2000, 34]

пестрые бусины и шарики, так что при легчайшем движении их обладательница “сверкает, мерцает и искрится”» [Seib 1968, 166].

«Венок невесты состоял из восковых розочек и из восковых жемчужинок: все монтировалось на проволочном каркасе... На венок шли нитки восковых жемчужин: от 10 до 15, примерно 4—5 см длиной, изящные, обернутые бумагой кусочки проволоки скреплялись в виде цветочного зонтика и окунались в воск, пока на каждом стебле не образовывалось по “капельке”, “восковой жемчужинке”. Красивое расположение листочков, розочек и жемчужных зонтиков на проволочном стебле завершало изготовление венка невесты» [Habenicht 1981, 162]. Роль головного убора / венка невесты как главного символа девственности сохраняется в течение всего свадебного действия вплоть до его снятия.

Свадебный поезд (Hochzeitszug) снаряжался во время свадьбы несколько раз, и эта процессия двигалась каждый раз в определенной последовательности свадебных чинов. У волжских немцев **свадебный поезд № 1** был шествием жениха в дом невесты за невестой (Aufzug, Brautlauf, Brauthang): «в доме жениха собираются его ближайшие друзья и родственники, дружки, оба “приглашателя” на свадьбу и “отец свадьбы (Hochzeitsvater)”. Hochzeitsvater с украшенными лентами шестом и отец жениха возглавляют шествие, за ними следуют музыканты, за ними — жених, ведомый под руки двумя приглашателями на свадьбу, также с украшенными лентами и платками шестами (иногда жениха ведут под руки двое дружек). Замыкают шествие ближайшие родственники и друзья жениха. До самого дома невесты музыканты играют торжественные марши» [Виндгольц 1989, 27—28]. Так как в историческом развитии брак-похищение сменился на брак-покупку, здесь этот сдвиг отражается в порядке свадебной процессии: в ее начале идут сваты, которые решали вопрос о браке и соединении данных семей. **Свадебный поезд № 2** был шествием жениха и невесты из дома невесты в дом жениха перед венчанием: «в дом, где справляется свадьба, отправляются в следующем порядке: впереди идут оба приглашате-

ля с украшенными лентами палками, за ними идут музыканты, затем невеста, но обеим ее сторонам шаферы, т. е. дружки жениха, сбоку от них — подружки невесты. За невестой идет жених, ведомый двумя его крестными отцами (Petter), затем следуют гости, за ними родители и, наконец, стрелки. В доме жениха всех радушно встречают и опять угощают водкой и пирогами» [Seib 1968, 170].

Интересен в плане культурных трансформаций **свадебный поезд № 3**, являющийся шествием жениха и невесты из дома жениха в церковь (Brautzug) с подружками (Brautjungfern) и шаферами (Brautführer). С конца XIX века последовательность свадебных чинов в этом свадебном поезде была следующей: сначала невеста и два ее шафера, затем две девушки и жених, сопровождающие лица [Народные обычаи 1890, 132]. Имеется колоритное описание свадебного поезда в церковь начала XX века: «Образуется мощная процессия. Все лошади украшены бумажными розами и лентами, дуга и сбруя увешаны бубенчиками и побрякушками. То и дело кто-то кричит: “Свадьба! (Hochzeit!)”. Вся свадебная процессия (в той же последовательности, что и пешком) едет по улицам деревни то шагом, то галопом, взад и вперед, вдоль и поперек, причем новобрачные сидят на коленях у подружек невесты. Зрителям, заполняющим улицы, следует быть начеку: кого-то из ротозеев уже переехали...” [Seib 1968, 170]. В середине XX века последовательность свадебных чинов отражает версию брака-похищения: «жених и невеста шагали вместе, рядом с ними — дружки жениха, в то время как подружки невесты шли впереди. За ними — музыканты, которые играли, родственники и друзья» [Habenicht 1981, 168]. Данная последовательность свадебных чинов в процессии внешне является анахронической, когда роль жениха-«похитителя» была определяющей. К концу XX века свадебные чины меняются местами, и роль жениха перестает быть главной: «процессию возглавляют отец свадьбы (Hochzeitsvater) и отцы жениха и невесты или оба приглашателя (Hochzeitsläder) — все с шестами, украшенными лентами. За ними

следуют музыканты. За музыкантами два дружка ведут под руки невесту, за ней две дружки — жениха. Иногда за музыкантами идут две девочки в белых платицах с венками из живых и искусственных цветов (Vorlaufsmädchen) <...> за ними попарно следует несколько девочек, одетых также в белые платья, с украшенными корзинками с живыми цветами (Sträumädchen) <...> за женихом и невестой идут дружки и подружки невесты <...> за женихом и невестой с их свитой идут родители жениха и невесты, ближайшие родственники и остальные гости» [Виндгольц 1989, 32]. Надо учесть, что описан ход свадебных процессий в немецких селах Казахстана, испытавших после депортации сильное воздействие окружающих народов. В частности, в поволжской русской свадьбе ход в свадебной процессии давно уже отражает только брак-покупку [Шишкина 2003, 44, 119, 163—164]. В современных ритуалах немцев России сегодня возрождается обычай использования карет.

Свадебный поезд № 4, будучи шестым жениха и невесты из церкви в дом жениха, вновь отчетливо представляет функции свадебных чинов, отличные от русских поволжских свадеб. В начале XX века шла «впереди невеста с молодыми парнями, за ними жених в сопровождении молодых девушек и, наконец, родственники» [Schünemann 1923, 6]. «За музыкантами идут новобрачные, затем дружки новобрачных, каждый со своей подружкой, а остальные гости — как угодно» [Seib 1968, 171]. В середине XX века по-прежнему «новобрачные шли впереди, за ними — девушки и парни, вслед за которыми шествовали остальные гости — родственники и друзья молодых и их семей» [Habenicht 1981, 171—172]. В конце XX века «на всем пути следования музыканты играют торжественные марши, танцевальные и частушечные мелодии, под которые группа гостей пляшет и поет. По обе стороны колонны следуют молодые мужчины и непрерывно палят из ружей» [Виндгольц 1989, 33]. Проанализировав движение всех свадебных процессий, можно сделать вывод, что брак-похищение доминировал, отражая значимость роли жениха, несмотря на

патриархальный склад волжско-немецких семей. С нашей точки зрения, это значительное отличие от русских свадеб Поволжья.

Музыка в церкви во время венчания (Die Trauung): по сведениям начала XX века, когда приходят в церковь, музыканты играют «Jesu, geh voran» («Иисус, приди») [Schünemann 1923, 6], по информации середины XX века — исполняется «Singt mit fröhlichem Gemüte» («Поет с веселым оживлением») [Das Lied- und Erzählgut, Tbd. 325/1-367]. Первое песнопение продолжает исполняться и сегодня немцами на Волге [Шишкина-Фишер 1998, №№ 6—7].

Задержки свадебной процессии (Wegsperrge, Lösung — в Германии, Das Hemmen, der Weg gesperrt, Geldbüsse bekommen, Strassensperren — на Волге) — обычай, сохранявшийся у волжских немцев и во время последепортационного периода в живом бытовании в Казахстане, Киргизии и Сибири до конца XX века. Обычаи задержек свадебных поездов описаны достаточно многообразно в немецкоязычной литературе, и единственное полномасштабное исследование немецких свадебных ритуалов полностью посвящено только этому обрядовому действию [Dünninger 1967]. По данной систематизации, на Волге **первая задержка** происходила у входа в дом невесты: во время первого свадебного поезда, когда жених со свитой отправляются за невестой в ее дом, «путь им преграждают ближайшие родственники и подружки невесты», происходит диалог между участниками обоих домов из свиты жениха и невесты [Виндгольц 1989, 28—29]. **Вторая задержка** была в доме невесты, когда невесту не могли найти, а жениху предлагали фальшивых невест. Наконец, невесту находили или в соседней комнате, или в другом доме рядом, у соседей, «прелестно украшенную, но привязанную лентами к стулу. Ее надо было освободить денежным выкупом подходящих на свадьбу гостей» [Seib 1968, 167]³. **Третья за-**

³ Этот материал заставляет обратить особое внимание на роль лент в немецкой культуре (ленты на шесте в танце, ленты, перегораживающие дороги, ленты, многообразно использованные в свадебном ритуале), более значимую, чем в восточнославянской.

держка могла быть при выходе невесты из родного дома в церковь: «дорогу молодым преграждают дети украшенным цветами и лентами шнуром. Они требуют выкуп. Кто-либо из свиты жениха угощает детей конфетами, иногда жених дает им деньги» [Виндгольц 1989, 31]. По материалам полевой экспедиции в селе Вальтер / Красный Яр Саратовской области, свадебный поезд задерживался и деньги требовались по дороге в церковь только в том случае, если невеста была из другого села («wenn es aus anderen Dorf war»), если из своего — то денег не требовалось, а в с. Генеральское свадьбу задерживали обязательно ленточкой и это назвалось выкупом невесты (Auskaufen) [АА 1994]. В Сибири, Казахстане и Киргизии в немецких компактных поселениях до 1980-х годов «дети и подростки устраивали на улицах преграды (Strassensperren, Hemmen). И, чтобы свадебная процессия могла пройти, жених или распорядитель (Festleiter) выкупали всех» [Boll 1993, 258—259]. **Четвертая задержка** была обязательна при выезде невесты из родной деревни: если жених ее увозит, «парни не хотят

позволить похитить девушку, у выезда из деревни протягивают через улицу, украшенную лентами веревку и не пропускают свадебную процессию, пока не получат тот или иной денежный выкуп» [Seib 1968, 170]. «Поперек улицы натягивают канат, нужно остановиться и откупиться» [Schünemann 1923, 6].

Пятая задержка происходила при движении свадебной процессии из церкви в дом жениха или в тот дом, где будет свадебный обед: эти задержки особенно хорошо запомнились жителям волжско-немецких колоний, которые сообщали, что на этом пути подобных задержек было не менее трех (der Weg gesperrt), натягивались ленты (Schleifen gespannt), а свадебный оркестрик духовых инструментов, сопровождающий процессию, каждый раз останавливался, играя марши [Habenicht 1981, 172], свидетель подобных свадеб в Казахстане вспоминает, что «нередко шествие останавливают односельчане, требующие угощение или выкуп» [Виндгольц 1989, 33]. Автор наблюдал подобную задержку с требованиями выкупа невесты на современной немецкой свадьбе и, судя по всему, возрождение этого обычая идет в городах и селах повсеместно.

Шестая задержка возможна у входа в дом жениха: «гирляндой цветов вновь прегражден путь. Жених, но чаще его отец, платит за вход» [Виндгольц 1989, 33].

Музыка на свадьбе, поражающая своим разнообразием и пестротой, образует песенные, танцевальные и инструментальные комплексы. Хотя, разумеется, имелись региональные различия, а редукция сельской народной культуры, произошедшая в XX веке, и то, что многое осталось не зафиксированным собирателями, часто не позволяет определить, что именно утрачено. **Инструментальная музыка** на свадьбе звучала в исполнении оркестра, который приглашался специально:

Танец невесты (Brautreigen) [Horak 1985, 89]

«цимбалы, скрипка, альт, виолончель и духовой инструмент. Когда оркестр состоит только из четырех музыкантов, тогда не хватает духового инструмента. Зачастую виолончель заменяется бас-горном» [Seib 1968, 173]. С конца XIX века широко распространились духовые инструменты: «труба, кларнет, флейта. Позже внедрили струнные инструменты: балалайка, мандолина, гитара, а также гармоники: хромка, саратовская, венская» [Виндгольц 1989, 21]. После депортации состав ансамблей вновь изменился, исчезли волынка, свирель, треугольник, бубен, большой барабан, цитра и фисгармония. В авторских полевых экспедициях по Поволжью в 1992—2005 годах все свадебные инструментальные наигрыши записывались только от исполнителей, игравших на различного типа гармониях: саратовской гармонике, хромке, аккордеоне, баяне, — типичных для поволжских народных культур XX века в целом и оказавших свое доминантное влияние уже после депортации [Шишкина-Фишер 1998, №№ 41—48].

Песни на свадебном обеде: музыканты играют первой песню «Die Hoffnung ist das Band der Menschenkette» [Schünemann 1923, № 237]. В то время как молодежь развлекается танцами, старики поют песни, которые прежде в юности пели на улице, и веселые застольные песни. Ночью и ближе к утру во время первой брачной ночи звучат непристойные / *liederliche* песни, такие как: «Nonnenbeichte» («Исповедь монахинь»), «Einstmal leg ich mich ins Bettchen» («Однажды улегся я в кроватку»), «Meine Hosen sind gerissen» («Мои штаны порваны»), «Wenn meine Frau nicht tanzen kann» («Если моя жена не сможет танцевать»), «Unsre Wesmirina» («Наша Везмирина») [Schünemann 1923, №№ 342—343, 345], «Ich weiss e Mädelein» («Я знаю девушку») [AA 1995, запись от И. П. Виндгольца⁴].

⁴ Ученый И. П. Виндгольц в юности был свадебным гармонистом и тамадой в немецких селах Казахстана, а затем — блестящим рассказчиком. Упомянутая песня была записана автором в г. Барнауле во время устного рассказа И. П. Виндгольца, когда ученый сам выступил в роли информанта. Эта песня И. П. Виндгольцем никогда не публиковалась.

Танцы во время свадебного обеда (хоровод невесты (Brautreiben), танец невесты (Brauttanz)) в первый день свадьбы исполняют ряд различных функций: а) развитие действия; б) передача невесты в другой род; в) одаривание; г) магически-охранительная; д) эстетическая; е) развлекательная. И, разумеется, эти функции часто совмещаются, а в позднейшие времена постоянно трансформируются. Вначале звучал марш — новобрачные появлялись в сопровождении приглашателя с его украшенным лентами жезлом и направлялись под звуки марша к столу музыкантов. Начинаясь хоровод невесты (Brautreiben), так называемый «невестин ряд» (Brautreihe), с которым связано вручение подарков невесте, а кое-где — и жениху. «По распоряжению жениха невесте трижды играют туш: при втором туше жених прикалывает свой подарок к платью невесты, после третьего туша жених три тура вальсирует с невестой. В это время никому другому не дозволяется танцевать» [Seib 1968, 173]. «Затем выступают крестные родители обоих новобрачных: крестный отец танцует с невестой, а жених — с крестной матерью — тоже три тура вальса. Так протанцовывают все крестные родители. И каждый из крестных родителей прикалывает невесте подарок. Затем жених выводит в круг самого старшего шафера. Тот прикалывает свой подарок невесте, платит музыкантам, те опять играют три туша, и он танцует с невестой. В это время жених делает то же самое с подружкой невесты. Затем идет второй дружка и т. д. <...> После трех туров невеста меняет партнера, пока все парни с ней не перетанцуют. Затем появляется новая группа. Так продолжается, пока все холостые парни не протанцуют по три тура сразу с невестой. Это и есть хоровод невесты (Brautreiben)» [Seib 1968, 173]. «После невестиного хоровода молодежь танцует как хочет, все время слышатся выкрики: “Hochzeit! Hopsasa! Juhei! Heisasa! Juchhei!”» [Seib 1968, 174]. Желательно было исполнить танец «Семь прыжков» (Siwwetersprung), «это своеобразный и нелегкий танец, и тот, кто умеет его танцевать, любит хвалиться: “Könnst’g aach die Siwwe, Sprüng?.. Ich kann se! Ich kann se!” («Может ли кто-то прыгнуть семь раз? Я могу так! Я так

могу!⁵» [Seib 1968, 174]. Разумеется, с течением времени на Волге произошла редукция танцевальных комплексов, но хореографические традиции сохранялись значительно лучше всех остальных обычаев: и даже в конце XX века «почетные танцы» (Ehrentänze) бытовали достаточно долго. В 1970—80-х годах в немецких селах Казахстана «первый тур танцуют жених и невеста, на второй приглашаются их родители: отец жениха приглашает невесту, мать невесты — жениха, дружок — мать жениха, подружка — отца невесты. В заключенные танцуют невеста с дружком, жених с подружкой. Возможны и другие варианты. Иногда невесту на первый танец выводит сват. Все танцуют по одному танцу» [Виндгольц 1989, 35]. В полевых записях автора статьи зафиксировано, что в Саратовской области в каждом селе и сегодня в этот момент свадьбы невеста всегда танцует три танца, обычно это три вальса [Шишкина-Фишер 1998, №№ 41—48].

Исследователи отмечали, что уже в начале XX века на немецких свадьбах танцевали *русские танцы*, например «русский “казачок”, если на свадьбе присутствовали русские» [Seib 1968, 174].

Центральным обрядом инициации невесты было *снятие венка невесты* (der Braut der Kranz abgenommen, Brautkranz abgetanzt, Brautabtanzen, Brautabsingen, Abkränzlied, Kranzabnahme, Kränzlein absingen). Обряд производится около полуночи, после привоза подушки для невесты, перед тем как увести молодых в постель: во время танца снимается с невесты венок, и это называется «вытанцевать невесту» (Brautabtanzen). В конце XIX — начале XX веков обряд выглядел следующим образом: «молодые мужчины и женщины, парни и девушки берутся за руки и образуют венок или кольцо. Это кольцо, танцую и горланя, движется то направо, то налево по кругу. Посередине танцует невеста, сначала со своими сестрами по три тура, затем со своими молодыми подружками, близкими род-

⁵ Перевод в достаточной степени приблизителен, так как исследователь зафиксировал старинные диалектные выражения, сохранившиеся и сегодня в культуре волжских немцев.

ственниками, а также другими девушками — всегда по три тура. При этом танцующая в венке задает свой танец, его играют и одновременно все поют, мелодия обычно вальса или польки. Имеется богатый выбор таких танцевальных песен, среди них и не вполне цензурные, например “Wir winden” (“Мы наматываем”), “Jungfer Lieschen” (“Девочка Лизхен”), “Branntwein! Branntwein!” (“Водка! Водка!”)» [Seib 1968, 174—175]. А вот описание середины XX века: «с невесты снимали венок к концу торжества, тем самым она окончательно входила в круг замужних <...> сигнал к снятию венка с невесты давали музыканты специальной инструментальной пьесой “Kranzabblasen”»: тогда невеста садилась на стул, гости окружали ее, и та же женщина, что утром наряжала невесту и надевала на нее венок, теперь снимала его <...> стоящие вокруг пели “Goldenen Rosenkranz”» [Habenicht 1981, 176—177]. Здесь исследователь отмечает, что названное им религиозное песнопение находится на месте собственно народных песен снятия венка «Abkränzlied», о которых упоминали еще Е. И. Карагов и В. Кляйн, тексты которых приводятся в собрании Эрбеса-Зиннера: «Sing mit fröhlichem Gemüte», «Die Melon’, die hat viel Blumen», «Braut, tū du dein Kränzlein ab» [Erbes—Sinner 1914, №№ 120—122]. В описании конца XX века ранее происходившее «вытанцовывание невесты» и «обтанцовывание венка» меняется на *опевание невесты*, гораздо более характерное для русских свадеб: «ровно в 12 часов ночи в центре зала устанавливаются два украшенных стула, на которые садятся невеста и жених. Все гости образуют большой общий круг. <...> Венок и фата снимаются и укладываются на красивый разнос. <...> На голову невесты надевается красивый чепчик (или платок)» [Виндгольц 1989, 62]. «Иногда снятие венка и фаты происходит во время пения <...> обрядовых песен, в которых <невеста> прощается с родителями, братьями и сестрами, подружками и друзьями. <...> В Караганде автору доводилось наблюдать, как на виду у всех гостей происходило полное переодевание невесты согласно исполнявшемуся гостями тексту обрядовой песни» [Виндгольц 1989, 63—64]. В полевых записях автора

статьи зафиксированы термины, касающиеся данного обряда: обтанцовывание венка (Kranzabtanz), венки невесты (Brautkranz), обтанцовывание невесты (Brautabtanz), опевание (Absingen), обтанцовывание (Abtanz), — а также упоминание об исполнении в этот момент песни «Schön ist die Jugend» («Прекрасна молодость»), когда при снятии венка с невесты на стульях в кругу сидели рядом сама невеста, ее жених и ее крестная мать (Geht) [AA 1994]. Ритуал снятия венка невесты всегда оказывал сильное эмоциональное воздействие на гостей и надолго оставался в их памяти. После свадьбы венки, фату невесты, букетик жениха помещали в специально изготовленный ларец под стеклом, который вывешивался на стену и хранился всю жизнь, напоминая супругам, их родственникам, детям о дне свадьбы. Информанты постоянно указывают на бытование авторской лирической песни «Schön ist die Jugend» («Прекрасна молодость»), исполнявшуюся в момент снятия венка и заместившую собственно обрядовые песни [Шишкина-Фишер 1998, №№ 27—28]. Судя по всему, процесс замены обычая «обтанцовывания» невесты на ее опевание во время обряда снятия венка был начат задолго до депортации (в семье автора хранятся воспоминания о совершении обряда снятия венка с исполнением песни «Schön ist die Jugend» в 1922 году в католической колонии Мариенберг кантона Зельман в Республике немцев Поволжья на свадьбе Николая Христофоровича Фишера и его жены).

Кража туфли невесты и выкуп туфли невесты (Den Schuh gestohlen, Brautschuh versteigern, Rückkauf) происходит во время первого свадебного дня на обеде (т. е. после венчания до танцев). Обряд остается весьма актуальным и сегодня. Крестный отец крадет у невесты ее правую туфельку, которую выставляют на аукцион, а выкупить ее должны дружки, которые потом вместе с вырученными деньгами передают ее невесте. Е. Зайб пишет о «холодном поте», который мог выступить на лбу у дружков, так как цена туфельки в конце XIX века могла доходить «до 25 рублей и выше!» [Seib 1968, 172]. Таким образом, обряд выкупа туфли невесты был

одним из скрытых видов одаривания новобрачной на свадьбе. К середине XX века в некоторых волжских колониях он представлял собой последовательность ритуальных действий, когда среди свадебного обеда невесту уносили и вносили (zurückgetragen) обратно в дом, где проходила свадьба. «Процессию возглавляли две девушки или молодые женщины, которые пританцовывали перед духовым оркестром, переодетые чужеземками или соломенными пугалами (Strohmänner) в соломенных шапочках с кисточками (mit Zipfelmützen aus Stroh)» [Habenicht 1981, 175]. «Пока невесту несли в дом, где проходила свадьба, один из парней снимал с нее туфельку. В свадебном доме должны были продолжаться танцы, но так как у невесты не было одной туфли, танцевать-то не было возможности! Тут же появлялся парень, “укравший” туфельку невесты, со своим предложением в руке: “Сюда, у меня туфля, которая подходит невесте. Покупайте ее — сколько за нее дадите?” Несколько парней, посоветовавшись, вкладчину собирали деньги — где-то рублей 30, затем один выходил вперед и сообщал о принятом решении выкупить туфлю невесты. Деньги за туфлю шли невесте, а парни, что сложились на выкуп (Rückkauf), имели теперь право первыми потанцевать с невестой» [Habenicht 1981, 175]. Этот эпизод — один из ярких в игровом поле волжско-немецкой свадьбы — снова и снова повторялся в различных версиях, сохраняясь до самого последнего времени в немецких селах Казахстана, Киргизии и Сибири. Например, Г. Геймбук из Волгоградской области сообщает, что «дружки, дабы не допустить похищения туфли, иногда сами снимают ее и хранят до конца застолья» [Виндгольц 1989, 41]. Описываются случаи, «когда многоопытный крестный отец, пользуясь молодостью дружков, выкупает у них туфлю. Если это ему удастся, он выходит в круг и вынуждает дружков выкупать туфлю за двойную цену» [Там же].

Одаривание невесты в первый день свадьбы после венчания (Gaben, Geschenke) было обязательным во всех волжско-немецких колониях, а сам обряд дарения в конце XIX — начале XX века происходил во время танцев

на свадебном обеде после приезда из церкви. «Подарки состоят в основном из бумажки денег, которые булавкой прикрепляются к платью, но также и из предметов потребления: материи, фартуков и т. д. Невеста в итоге оказывается вся увешанной и беспомощной» [Seib 1968, 173].

До 1941 года обряд совершался по определенному плану. «Танцы продолжались до трех часов дня: в этот час ставили два стула, места на которых занимали жених и невеста лицом друг к другу. Теперь невесту одаривали гости. Сначала свой подарок дарили крестные, потом остальные. Дарили либо деньги, либо материю, других подарков — посуду, например, — не делали. Собиралось до 40—50 рублей: “это было тогда много денег!”. Бумажные деньги прикалывали к невесте, монеты бросали ей на колени, а материю накидывали на нее. Тот, кто одаривал невесту, мог с ней потанцевать» [Habenicht 1981, 175]. Память об этом обряде хорошо сохранилась до наших дней: «*Мать говорила, что у русских тарелки, а у нас припиливают деньги невесте и жениху. Родственники жениха ему дарили, а родственники невесты — ей*» [АА 1994. Софья Фридриховна Гроо, 1929 г. р., с. Красный Яр Саратовской обл.]. В этом высказывании отчетливо прослеживается самоидентификация, презентация собственных традиций в инокультурном окружении. По русскому обычаю, когда одаривают молодых, жених или невеста с поклоном подают каждому гостю стоящую на тарелке рюмку водки [Шишкина 2003, 45, 120]. Вообще «водочный этикет» пронизывает описание русских поволжских свадеб 1970—1990-х годов, тогда как в немецкой свадьбе имеющиеся описания выпивки не носят столь четкого, ритуально закрепленного, характера. Значительно важнее для немецких свадебных ритуалов танцевальные и игровые компоненты, когда многие обрядовые действия совершаются внутри танцевально-игрового комплекса. Их обилие сравнимо со славянскими игровыми комплексами календарных обрядов.

Получение подушки (Brautgötkissen) невестой происходит в первый день свадьбы, уже незадолго до полуночи.

Этот обряд также описывается в материалах начала XX века. Невеста, крестная мать невесты и подруги невесты едут в дом к крестной матери, чтобы получить там подушку (Brautgötkissen), которая стоит в белой наволочке, украшенная красными лентами. «Ее показывают всем гостям, а затем кладут на кровать с балдахином, где должны будут спать новобрачные» [Seib 1968, 174].

Свадебный стол, еда на свадьбе (Hochzeitsmahl, Hochzeitsessen). Свадебное угощение может состоять из «фруктового супа, жаркого из баранины и рисовой каши, посыпанной сахаром и политой маслом, или рисового супа, фрикаделек из мяса крупного рогатого скота с топленным маслом и медом. Ко всем блюдам всегда наготове сладкий пирог (merbe Kuchen, Streuselkuchen), посыпанный сахарным песком, смешанным с крошками теста и корицей» [Seib 1968, 172]. Были также «швабские плетеные батоны из кислого теста (Hefering), <...> швабский чай (Klutee), который является разновидностью пунша, приготовленного в самоваре из одной части вина и двух частей воды с корицей <...> “золотой суп” из крови гуся или петуха, меда с клецками, приготовленными из муки и яиц, <...> пироги, хворост и бублики (Zuckerkuchen, Nusskuchen, Kriebbl, Ringel, Tinekuchen)» [Виндгольц 1989, 22—23]. Рецепты ряда этих блюд в начале XXI века были тщательно собраны и опубликованы В. А. Ауманом и Л. А. Лукьянченко [Кухня российских немцев 2003, 18, 21—22, 37, 39, 53, 61, 77—78, 83, 92]. Большая их часть используется и сегодня [АА 1992—2006].

Материалы середины XX века демонстрируют заметное русское влияние на культуру свадебного застолья немцев: «до свадебного обеда во время танцев подавали шнапс и квас (Kwast) <...> тому, кто разливал шнапс, говорили: “Steht in guter Hand!”, что означало: “Сначала выпей ты”. Этому требованию повиновались, причем пьющий говорил: “Zum Whole!” (“На здоровье!”)» [Habenicht 1981, 174].

Первая брачная ночь рассматривалась как повод для разнообразных шуток (и не всегда безобидных) над новобрачными. Например, с конца XIX века из-

вестны обычаи набивания соломенного матраса невесты вместо соломы «всяческими угловатыми предметами, или в кровати в нее вонзается колючий еж. Чуть слышат парни, которые всего этого ожидали снаружи под дверью, как тут же с ужасающим ревом вламываются и с криком, шумом, смехом уходят» [Seib 1968, 176]. Мария Вон припомнила случай по соседству, когда «старший брат жениха привязал под кроватью молодых коровий колокольчик» [Habenicht 1981, 181]. Для католических волжско-немецких колоний 1930—1940-х годов отправка новобрачных в постель была знаком окончания свадьбы (Schluss der Hochzeitsfeier), а исполнявшийся в полночь хорал «Grosser Gott, wir loben dich» («Великий Бог, мы восхвалим тебя») «подсказывал» гостям, что настало время расходиться [Habenicht 1981, 182]. В немецких селах Казахстана и Сибири в 1970—1980-х годах свадебная ночь была тем уникальным случаем, когда гости (разумеется, только мужчины!) могли, наконец, познакомиться с «непристойными» песнями, послушать шванки, бытовые истории, “жирные” частушки, эротические песни», как это колоритно описывал И. П. Виндгольц, отмечая, что «целый пласт немецкого фольклора можно записать только во время таких мужских “посиделок”» [Виндгольц 1989, 65].

«Свадебный хвост» (Hochzeitschwanz), т. е. второй день свадьбы включает в себя следующие действия: обед, катание по улицам на украшенных быках, являвшееся оповещением общины о произошедших событиях, ужин, танцы. Этот день носит карнавальный характер, в котором главным содержанием становятся различные игрища, ряжение практически всех участников, шуточное передразнивание некоторых обрядовых компонентов первого свадебного дня: церковного венчания, выкупа туфли невесты, вручения даров, снятия венка.

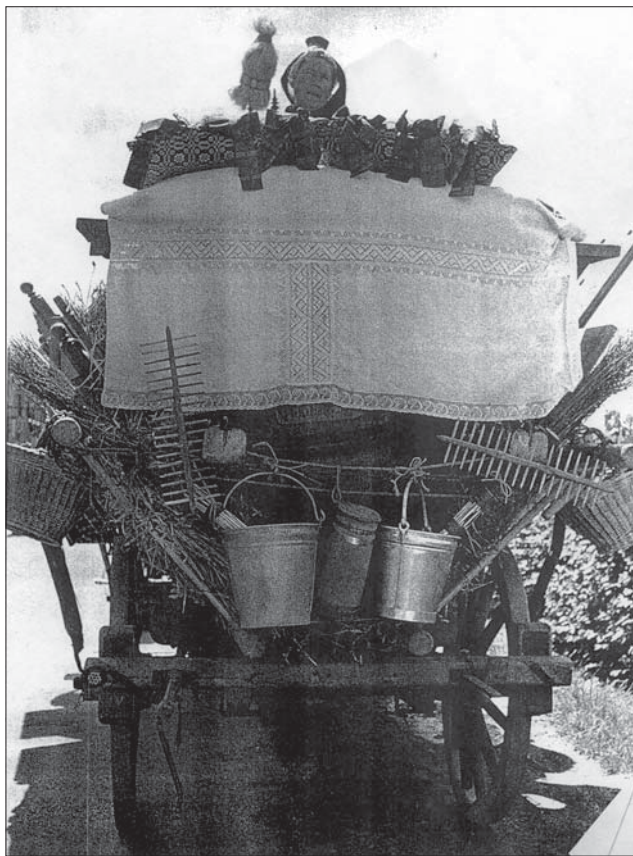
Одаривание невесты во второй день свадьбы. Сохранились сведения начала XX века, как во время веселых игр с ряжением «играют туш, выводят невесту, ей прикрепляют подарок, а затем все танцуют» [Seib 1968, 176]. В авторских полевых записях описываются *шуточ-*

ные подарки невесты (Spottgeschenke): «невеста подносила гостям то венник, то палку, то пустую бутылку» [АА 1994]. Оригинальной игрой второго дня свадьбы было *выметание гостей* (Kehr aus) со свадьбы, «когда внезапно раздавался крик: “А Hochzig un koa Fressa!” (“Кончай жрать на свадьбе!”)»⁶, но все спокойно танцевали дальше. Через некоторое время было слышно: “Выметай, выметай из всех углов!” и теперь гости спешили распрощаться и одеться. Музыканты играют, вся компания поет и танцует: “Выметайся” (“Kehr aus!”), во время пения приходит баба с метлой в танцевальный зал и выметает гостей: из комнаты в кухню, из кухни в сени, из сеней во двор, со двора на улицу. Свадьба была окончена» [Seib 1968, 177].

Обряд перевоза приданого (Aussteuer, Aussteuer, Heiratsgut) также сохранялся в волжских колониях до 1941 года: «*Экипаж невесты, на котором везли приданое, назывался или Brautwagen, или Brautschlitten, если дело было зимой*» [АА 1994, зап. от Коппель Доротеи Йоганновны, 1928 г. р., с. Генеральское Саратовской обл.]. «Приданое у бедных и богатых почти одинаковое и состоит из платьев, белья, подушек, сундука, а может, и комода или шкафа. Если отец невесты очень щедр, дочь получает еще и корову. Все аккуратно складывают в сундук, устанавливают на телегу или сани и торжественной процессией привозят в новый дом невесты. Впереди идут или едут музыканты, играя марши, за ними дружки и подружки невесты, каждый из которых несет на голове подушку, за ними следует телега или сани с сундуком, на котором сидят новобрачные, остальные завершают процессию» [Seib 1968, 177]. Отвоз приданого происходил на второй день свадьбы [Кагаров 1929, 269].

Среди наиболее сохранившихся сегодня послесвадебных обычаев можно также назвать *послесвадебную вечеринку молодоженов* (Nachzeit, Nachhochzeit) и *обед у родителей невесты* (Dankessen), в которых принимают участие ближайшие родственники с обеих сторон [АА 1994—2006].

⁶ Перевод в высшей степени приближен, так как исследователь зафиксировал грубое диалектное выражение.

Телега с приданым невесты (Brautwagen). Гессен, Германия [Lücking 1959, 102]

Заключение

Исследование волжско-немецкого свадебного ритуала раскрывает мультикультурный характер многих обрядовых действий, проявляющийся благодаря включению различных иноэтнических (русских, украинских, казахских и др.) компонентов как на уровне вербального, акционального, так и музыкального кодов. Некоторые из этих включений были отмечены задолго до насильственной депортации волжско-немецкого субэтноса, и, следовательно, мы можем считать установление мультикультурного начала в основе данной поздней переселенческой традиции вторичного формирования как одну из культурных трансформаций обособившейся островной группы.

По свидетельству И. П. Виндгольца, в немецких селах Казахстана и Сибири до конца 1980-х годов сохранялись теат-

рально-обрядовые эпизоды волжско-немецкой свадьбы, несмотря на то что некоторые обрядовые действия были редуцированы или заменены (как, например, произошла замена хореографических элементов песнями необрядового содержания). В то же время происходил активный процесс включения в свадебный обряд волжских немцев иноэтнических игр и музыкального материала, как русского, так и казахского [Виндгольц 1989, 49–50].

Исследователи отмечают также, что уже в начале XX века на немецких свадьбах танцевали русские танцы (русский «казачок»). В конце XX века весь инструментарий для танцев, от саратовской гармоники и хромки до аккордеона и баяна, становится типичным для поволжских народных культур в целом.

Русские влияния легко заметить в различных мельчайших компонентах празднества, вплоть до пищи, когда до свадебного обеда во время танцев подавали шнапс и квас. Яркие обряды с караваем и веточками ели свидетельствуют о значительных украинских влияниях, в целом характерных для Поволжья.

Как отмечалось выше, танцевальные и игровые компоненты значительно важнее для немецких свадебных ритуалов в целом, чем песенный комплекс. Тем не менее, сравнительный анализ показал постоянное включение песен в свадебное действие, хотя для Германии или Австрии гораздо более типична духовая и струнная инструментальная музыка для маршей и танцев. В этих культурных трансформациях нам также видится глубинное влияние русского песенного начала. Именно поэтому музыкальный материал волжско-немецкой свадьбы столь неоднороден и проти-

воречив, а церковные хоралы вновь и вновь заменяют недостающие обрядовые народные песни.

Кроме вышеуказанных примеров иноэтнического влияния на свадебный обряд волжских немцев перечислим следующие черты, общие для немецкой, русской и украинской свадеб Поволжья: 1) обряды с караваем и веточкой ели в канун свадьбы, сходные с русским девичником; 2) выстрелы в течение всего периода свадьбы; 4) обычай «выставления корзины» при отказе от жениха, перекликающийся с обычаем «подарить гарбуза», свойственного как украинцам, так и русским Поволжья; 5) обычай «мазать ворота дегтем или навозом», чтобы выразить неодобрение «провинившейся» девушке; 6) смена названия «деньги верности» (Teugeld) на слово «кладка» (термин, распространенный в русских селах Поволжья); 7) подношение жениху рубашки в качестве подарка от невесты (распространенный обычай во всех поволжских русских селах); 8) необходимость молодоженам целоваться на свадьбе под возгласы «горько».

В заключение отметим, что свадебный ритуал российских немцев, находящийся на позднем этапе своего развития, несмотря на редукцию и включение ряда полиэтнических компонентов, в настоящее время продолжает представлять собой сложную многофункциональную структуру. Сельская культура волжских немцев, сформированная на мультикультурной основе материнскими культурами Германии и народов России, имела до первой половины XX века отчетливо выраженные региональные особенности и различия. И именно культура волжских немцев, полностью лишенных своих территорий и переселенных за Урал, стала составной частью культуры основной массы немцев России, проживающих в настоящее время в различных регионах Сибири, Оренбуржья, Казахстана, а также Германии. При этом мультикультурные явления, отмеченные еще в первой трети XX века, сохранились до начала XXI столетия.

Литература

Ардт 2000 — Ардт Е. А. Национальный костюм немцев Поволжья (Конец XVIII — на-

чало XX вв.): пособие с практическими рекомендациями. Пермь, 2000.

Виндгольц 1989 — Виндгольц И. П. Традиционная и современная немецкая свадьба. Караганда, 1989.

Дитц 1997 — Дитц Я. Жизнь и характер, нравы и обычаи колонистов // Якоб Дитц. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 376—396.

Кагаров 1929 — Кагаров Е. И. Материалы по этнографии немцев Поволжья // Доклады АН СССР. Л., 1929. № 14. С. 262—269.

Кухня российских немцев 2003 — Кухня российских немцев. М., 2003.

Левинтон 1974 — Левинтон Г. Комментарии к свадебному обряду // Угличские народные песни. Л.; М., 1974. С. 209—212.

Народные обычаи 1890 — Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861—1888 годах А. Н. Минхом. Предисл. А. Пыпина. СПб., 1890.

Шишкина 1988 — Шишкина Е. М. Ареальное исследование русского свадебного обряда Нижнего Поволжья как музыкально-этнографического комплекса // Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды. Тезисы Всесоюзный научно-практ. конф. 25—28 апреля 1988. М., 1988. Т. 1. С. 220—222.

Шишкина 2003 — Шишкина Е. М. Русские свадебные песни и причитания Волго-Ахтубинской поймы (Астраханская область) / Серия «Традиционная музыка Нижнего Поволжья». Астрахань, 2003. Вып. 1.

Шишкина-Фишер 1998 — Шишкина-Фишер Е. М. Поют и танцуют немцы Поволжья / Музыкальный фольклор российских немцев в современных звукозаписях. Es singen und tanzen die Wolgadeutschen / Serie: Musikfolklore der Russlanddeutschen in modernen Tonaufnahmen. М., 1998. Вып. 1.

Boll 1993 — Boll Klaus. Kulturwandel der Deutschen aus der Sowjetunion: Eine empirische Studie zur Lebenswelt russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik / Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.v. Band 63. Marburg, 1993.

Das Lied- und Erzählgut — Das Lied- und Erzählgut der Maria Wohn aus Rothammel. 275 Lieder (Texte, Melodien, Anmerkungen). Aufnahmen von Johannes Künzig und Waltraut Werner-Künzig, transkriptionen von Gottfried Habenicht. Freiburg i.Br., o.J. (Handschrift) / Архив Института восточнонемецкой этнографии (Кюнциг-институт), Фрайбург / Брайсгау, Германия (рукопись).

Dünninger 1967 — Dünninger Dieter. Wegsperre und Lösung. Formen und Motive eines dörflichen Hochzeitsbräuches. Ein Beitrag zur

rechtlich-volkskundlichen Brauchtumsforschung / Schriften zur Volksforschung. Hrsg. von Gerhard Heilfurth, Kurt Ranke, Matthias Zender. Bd. 2. Berlin, 1967.

Geschichte und Kultur 1989 — Geschichte und Kultur der Deutschen in Russland / UdSSR. Auf den Spuren einer Minderheit. Ausstellungskatalog. Hrsg. von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V. Bearbeitet von der Ute Richter-Eberl. Stuttgart, 1989.

Habenicht 1981 — *Habenicht Gottfried*. Die wolgadeutsche Hochzeit. Dargestellt am Beispiel der Gemeinde Rothammel // Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde. Bd. 24. Marburg, 1981. S. 144—193.

Horak 1985 — *Horak Karl*. Tanz als Weisensteil des Brauchtums // Lied, Tanz und Musik im Brauchtum. 9—12 September 1982. Münster, 1985. S. 86—103.

Lücking 1959 — *Lücking Wolf*. Trachtenleben in Deutschland. Bd. III: Hessen. Berlin, 1959.

Martin 1983 — *Martin Lothar*. Brauchtum bei der Heirat: Verlobung // Atlas der deutschen Volkskunde. Neu Folge. Auf Grund der von 1929 bis 1935 durchgeführten Sammlungen im Auftrage der Deutschen Forschungsgemeinschaft. In Zusammenarbeit mit H. L. Cox, Gerda Grober-Glück und Günter Wiegelmann, hrsg. von Matthias Zender. Erläuterungen. Bd. III. Marburg, 1983. S. 61—104.

Schirmunski 1930 — *Schirmunski Victor*. Volkskundliche Forschungen un den deutschen Siedlungen der Sowjetunion // Deutsche Volkskunde im ausserdeutschen Osten. Berlin/Leipzig, 1930. S. 52—81.

Schünemann 1923 — *Schünemann Georg*. Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland. Mit 434 in deutschen Kriegsgefangenenlagern gesammelyen Liedern. 1—2 Teil / Sammelbände für vergleichende Musikwissenschaft. Hrsg. von Carl Stumpf und E. M. Hornbostel. Dritter Band. München, 1923.

Seib 1968 — *Seib E.* Der Wolgadeutsche im Spiegel seines Brauchtums // Heimatbuch der Deutsche aus Russland 1967/1968. Stuttgart. S. 145—209.

Сокращения

АА 1994 — материалы из личного архива автора, записанные в 1994 году в немецких селах Саратовской области.

АА 1992—2006 — материалы из личного архива автора, записанные в 1992—2006 годах в немецких селах Саратовской, Волгоградской, Астраханской областей, Сибири, Урала, Оренбуржья.

Немецкий архив — Немецкий архив. Филиал Государственного архива Саратовской области (г. Энгельс). Фонд 1348, оп. 2, д. 111.

Б. Н. ПРОЦЕНКО
(Ростов-на-Дону)

<ПРЕДСВАДЕБНЫЙ ЭТАП В СОВРЕМЕННОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ ДОНА> ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ФОЛЬКЛОРНЫМИ ТЕКСТАМИ СОВРЕМЕННОГО ОБРЯДА

В Государственном архиве Ростовской области хранится безымянная рукопись конца XIX века «Свадебные обряды станицы Нижнекундрюченской» [ГАРО], а более чем полувеком раньше в альманахе «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год, изданная А. Корниловичем» была опубликована статья донского историка и краеведа В. Д. Сухорукова «Свадебные обряды» [Сухоруков 1824]. В обоих источниках немалое место отведено свадебному фольклору, что позволяет провести наблюдения над динамикой бытования обрядовой песни на протяжении почти двух веков: В. Д. Сухоруков описывает богатую старочеркасскую свадьбу, территориально принадлежащую к тому же ареалу, к которому относится и станица Нижнекундрюченская, т. е. к Нижнему Дону (исторически — к Черкасскому и Первому Донскому округам Области Войска Донского).

В 1999 году автор настоящей статьи в станице Нижнекундрюченской (ныне Усть-Донецкий район Ростовской области) с помощью местных казачек Александры Николаевны Ореховой, 1925 г. р., Таисии Тимофеевны Голиковой, 1929 г. р., Валентины Петровны Костиной, 1937 г. р. и Любви Герасимовны Кулешовой, 1952 г. р. провел сравнительный анализ свадебного репертуара современного обряда и обряда конца XIX века. Поскольку все собеседницы — непрменные участницы местных свадеб, на которые их приглашают в качестве знающих обряд певуний, а также потому что все они опирались на